

SALMAN
❖ RUSHDIE ❖
SHALIMAR
THE CLOWN

САЛМАН
РУШДИ
КЛОУН
ШАЛИМАР

РОМАН

Перевод с английского
ЕЛЕНА БРОСАЛИНОЙ

издательство АСТ

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Р92

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Рушди, Салман

Р92 Клоун Шалимар : роман / Салман Рушди; пер. с англ. Е. Бросалиной. – Москва :
Издательство АСТ : CORPUS, 2021. – 544 с.

ISBN 978-5-17-121693-1

“Клоун Шалимар” – один из лучших романов Салмана Рушди. В этой полной любви, страсти, боли, трагедий истории четыре главных героя – бывший посол США в Индии Макс Офалс, его дочь Индия, ее мать Бунньи и ее муж Номар, которого все называют Шалимаром. Но в повествовании важнейшую роль играет Кашмир, спорная область Индостана, за которую борются Индия и Пакистан. Мелькают разные страны, люди разных национальностей и вероисповеданий пытаются понять, кто они на самом деле, хотят найти счастье, обрести потерянный рай.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-121693-1

- © 2005, Salman Rushdie. All rights reserved
- © Е. Бросалина, перевод на русский язык, 2008
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021
- © ООО “Издательство АСТ”, 2021
Издательство CORPUS ®

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Индия

ГЛАВА 1

13

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Буннъи

ГЛАВА 2

73

ГЛАВА 3

134

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Макс

ГЛАВА 4

197

ГЛАВА 5

249

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Клоун Шалимар

ГЛАВА 6

307

ГЛАВА 7

341

ГЛАВА 8

389

ГЛАВА 9

427

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Кашмира

ГЛАВА 10

447

ГЛАВА 11

485

ГЛАВА 12

507

*Светлой памяти моих любимых
кашмирских родственников –
деда д-ра Атауллы
и бабушки Амир-ун-Ниссы Батт
(Бабаджана и Аммаджи) –
посвящается*

*Минуя рай, меня несет по адовой реке
В глухую ночь, о мой изящный призрак.
Удар сердечного весла дробит фарфор волны.*

*Я все, что было у тебя. Меня не стало.
За это ты простить меня не пожелала,
Но память обо мне тебя не оставляла.
Прощать меня? За что? И ты простить не хочешь.
Я боль таю от самого себя, но ею
С собой одним я поделиться смею.
Простить меня? О, есть за что, но ты не можешь.
Ах, если б волею судеб моей ты стала,
То мир преобразить моих бы сил достало.*

Ага Шахид Али. "Край, откуда не приходят письма"

Чума на оба ваши дома!

У. Шекспир. "Ромео и Джульетта"

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Индия

❁❁❁❁❁❁❁❁❁❁ ГЛАВА 1 ❁❁❁❁❁❁❁❁❁❁

Долгими теплыми ночами дочери посла спалось тревожно, она то и дело просыпалась. Даже тогда, когда сон брал свое, тело ее не отдыхало: оно вскидывалось и перекручивалось, будто пытаясь освободиться от безжалостных оков. Временами с губ ее срывались слова на незнакомом языке. Об этом ей сообщали мужчины. Сообщали с опаской. Мужчин этих было мало, ибо очень немногим доводилось при сем присутствовать. Но эти свидетельства не могли считаться абсолютно достоверными: не хватало подтверждения третьего, незаинтересованного лица. Однако определенные звуковые характеристики ее “ночного языка” все же были выявлены. По одной версии, в нем преобладали горловые и аспираторные звуки, как в арабском. “Полуночный арабский, — подумалось ей. — Завораживающий говор Шехерезады”. Согласно другому свидетельству, это был образчик того языка, вроде клингтонского, на котором говорят героини научной фантастики. Звуки были акустически чистыми, словно неслись откуда-то из запретельных галактик, — как у Сигурни Уивер в “Охотниках за привидениями”, когда она изгоняет очередного демона. В одну из таких но-

чей дочь посла, движимая страстью к научному эксперименту, оставила возле постели включенный магнитофон, однако когда собственными ушами услышала омерзительный, будто с того света, голос — такой знакомый и одновременно абсолютно чужой, — настолько перепугалась, что тут же стерла запись. Но стереть не значит забыть. Что есть, то есть, от этого никуда не денешься.

К счастью, горячечные периоды сомнамбулической речи бывали краткими, но, когда заканчивались, некоторое время она лежала пластом, вся в поту, часто и трудно дыша, словно после быстрого бега, а затем проваливалась в тяжелый сон без сновидений. Вдруг просыпалась и долго не могла понять, где она и что с ней. Знала одно: в ее спальне кто-то есть. На самом деле никто к ней не входил. Являлось ей некое осязаемое во мраке присутствие отсутствия. У нее не было матери. Мать родила ее и умерла. Об этом ей сообщила жена посла, и посол, ее отец, это подтвердил. Мать была кашмиркой и утрачена была навсегда, как рай, как сам Кашмир. (Ей Кашмир и представлялся раем, и все, кто знал ее, вынуждены были принять это как аксиому.) Она вглядывалась во мрак, трепеща перед этим осязаемым отсутствием, этим бессловесным стражем — провалом в темноте, и с замиранием сердца ждала следующей, еще одной беды, — ждала, сама не зная, что ждет.

После смерти отца — ее великолепного отца, гражданина мира, наполовину француза, наполовину американца (“Как Статуя Свободы”, — сказал однажды он — ее обожаемый и осуждаемый, ее постоянно отсутствовавший, циничный отец, непоседа и соблазнитель) — к ней вернулся спокойный сон, будто от нее отвели проклятие. Словно она была прощена. Или он. Бремя греха было снято. Хотя она и не верила, что грех как таковой вообще существует.

Вплоть до смерти отца мужчинам было нелегко ладить с ней в постели, хотя в желающих недостатка не ощущалось. Сексуальные домогательства мужчин тяготили ее. Собствен-

ные ее желания оставались большей частью нереализованными. Из тех, с кем она переспала — а таких было немного, — ни один по той или иной причине ее не устроил. И поэтому (как бы для того, чтобы закрыть тему) она остановилась на заурядном субъекте и даже серьезно подумывала, не принять ли его предложение. Ну а потом... потом посла зарезали на пороге ее дома — зарезали, как цыпленка для халяльного стола, и он истек кровью от глубокой раны, нанесенной острым ножом. И это средь бела дня! Как, должно быть, блестяло лезвие в золотистых лучах утреннего солнца. Независимо от того, считать ли этот вечно ясный лик благословением для города или его проклятием. Дочь убитого принадлежала к той категории женщин, которые ненавидели безоблачное небо, однако ничего другого большую часть года этот город ей предложить не мог. Соответственно, ей оставалось только смириться с унылой чередой безоблачных месяцев, с иссушающим зноем, от которого трескалась кожа. В те редкие дни, когда, проснувшись, она ощущала в воздухе подобие свежести и видела, что небо затянуто тучами, она сладко потягивалась, выгибая спину, и на краткий миг чувствовала себя почти счастливой. Однако к полудню солнце неизменно сжигало облака без остатка, и с неба, обманчиво голубого, как делавшие мир чистым и светлым стены детской, снова нагло скалилось светило — будто человек, позволивший себе слишком громко расхохотаться в ресторане.

В таком городе не было места полутонам, во всяком случае так казалось на первый взгляд. Все здесь выглядело всегда до примитивности однообразно, без полутонов — ни тебе морозящего дождика, ни тени, ни пронизывающего холодного ветра. От пристального ока такого солнца негде было спрятаться. Всюду и везде люди были на виду, словно манекены в витрине. Их тела, едва прикрытые одеждой, блестяли на солнце, и больше всего они напоминали ей персонажей с рекламных плакатов. Казалось, здесь не может быть места